

**Новый Свет: трижды
открытая Америка.
Всемирная история**

Христофор Колумб до конца своих дней верил в то, что открыл новый путь в Индию. Однако на самом деле он достиг континента, ставшего известным впоследствии под названием Америка. Но Колумб не был первым человеком, ступившим на эту землю. Возникает ряд вопросов, касающихся американской истории: откуда, когда и каким путем пришли туда люди? Какими были способы и маршруты миграции в Америку? С чем столкнулись европейцы, впервые прибывшие на просторы американского континента? Майя, инки и ацтеки — истинные хозяева Нового Света? В этой книге вас ждут ответы на все эти вопросы.

Океан вброд: заселение североамериканского континента людьми Колумб и второе открытие Нового Света европейцами Испанское и португальское завоевание Центральной и Южной Америки Последнее Великое переселение: национальные особенности колонизации Индейские войны и геноцид коренного населения Борьба колоний за независимость Старые хозяева Нового Света: судьба коренных народов

Роман Евлоев

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ
НОВЫЙ СВЕТ:
ТРИЖДЫ ОТКРЫТАЯ АМЕРИКА

РОМАН ЕВЛОЕВ

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ
НОВЫЙ СВЕТ:
ТРИЖДЫ
ОТКРЫТАЯ
АМЕРИКА

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2020

ISBN 978-617-12-8268-1 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Электронная версия создана по изданию:

Научно-популярное издание

ЕВЛОЕВ Роман

Всемирная история. Новый Свет: трижды открытая Америка

Дизайнер обложки Анастасия Попова

В оформлении обложки использована картина “Christoper Columbus
arrives in America” (L. Prang & Co., 1893)

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2020

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2020

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Conquistar y poblar» — наставлял отправлявшихся в Новый Свет испанцев Фердинанд II Арагонский. «Завоевывай и заселяй!» — простая, но исчерпывающая инструкция, которой со временем начали следовать даже извечные враги испанцев англичане. Правда, в обратном порядке. Если конкистадоры предпочитали делать ставку прежде всего на войну, а вопросами развития экономики занимались уже после победы, то англичане сначала как следует закреплялись на новом месте и только затем, имея надежные тылы, двигали границу своих владений.

Несмотря на диаметрально противоположный подход, обе колониальные империи добились в Америке впечатляющих успехов. Невозможно переоценить значение — причем не только для Европы, но и для всего мира — некоторых заморских диковин, вывезенных конкистадорами и колонистами на историческую родину. Речь в первую очередь идет о новых сельскохозяйственных культурах, внедрение которых навсегда изменило мировую экономику и рацион питания большей части человечества: картофель, томат, кукуруза, фасоль, красный перец, подсолнечник, какао, батат, авокадо, ваниль — вот далеко не полный перечень по-настоящему ценных даров Нового Света, в сравнении с которыми меркнут даже золотые сады Инков. Впрочем, и золота конкистадоры награбили тоже немало...

Сегодня историкам остается только гадать о количестве жертв, принесенных европейцами на алтарь своей алчности. Для решения этой задачи исследователи предлагают множество методик оценки численности аборигенного населения доколумбовой Америки: от анализа дошедших до нас нарративных и археологических источников до сопоставления максимального потенциала доступных индейцам технологий с площадью обрабатываемых ими земель. Наиболее щедрые ученые мужи устанавливают верхний предел предполагаемой величины популяции коренных жителей Нового Света на сенсационную отметку в 80 или даже 100 миллионов человек.

Их более осторожные в оценках — и, вероятно, более близкие к истине — коллеги сходятся на совокупной численности в 15 или 20 миллионов автохтонов. Уже к концу первого столетия после начала европейского вторжения голод, войны и ужасающие эпидемии неизвестных ранее индейцам болезней сократили численность коренных народов Америки вдвое. В сильно пострадавших регионах уцелел лишь каждый пятый, а некоторые земли и вовсе обезлюдели. Парадоксально то, что дороже всего за обогащение Старого Света заплатили коренные обитатели Нового.

История завоевания Америки полна и других удивительных парадоксов. Как, например, получилось, что вывезенные испанскими конкистадорами на родину горы — буквально горы! — золота превратили Испанию в одну из беднейших стран Западной Европы? Или как вышло, что люди, положившие в основу своей Конституции стремление к свободе, при этом завозили в Новый Свет миллионы африканских невольников и создали крупнейшее со времен египетских пирамид рабовладельческое общество? А чем объяснить свирепую непреклонность — подчас затмевавшую фанатизм инквизиторов и крестоносцев, — с какой вчерашние беженцы, спасавшиеся от гонений за веру, преследовали индейцев за исповедание теми собственной религии? И почему, в конце концов, целую страну назвали Аргентиной¹, если как раз серебром-то она и не богата?

¹ Название происходит от латинского слова *argentum*, т. е. «серебро».

1. БОСИКОМ В НОВЫЙ СВЕТ: ТРИЖДЫ ОТКРЫТАЯ АМЕРИКА

1. 1. Океан вброд. Заселение Америки первыми людьми

И разошлись племена людские
По новым дорогам, по новым землям,
И разбежались вольные звери —
Одни по лесам, по равнинам другие.
И новая жизнь на земле настала.

«Валам Олум», эпическое сказание индейцев [6].

Из трех главных вопросов американской палеоистории — откуда, когда и каким путем пришли на этот континент первые люди, — наука может дать довольно расплывчатый ответ лишь на второй. В настоящий момент считается, что протоиндейцы заселили Америку от 22 до 16 тысяч лет назад. Верхняя временная рамка определяется палеоклиматической реконструкцией, согласно которой доисторическое открытие Америки не могло состояться ранее 23 тысяч лет назад из-за непреодолимого оледенения северного материка. Нижнюю границу задают археологические находки. Так, доподлинно известно, что около 14,5 тысяч лет назад древние люди уже жили в Новом Свете достаточно долго, чтобы откочевать на юг современного Чили.

Еще больше дискуссий в академической среде вызывает способ и маршрут миграции в Америку первых людей. Так называемые «океанические» пути — из Западной Африки через Атлантику, из Европы водами Северного Ледовитого океана или из Меланезии через Полинезию напрямую через Тихий океан — мало кто из ученых рассматривает всерьез. Гипотетически эти версии допустимы, но настолько невероятны, что относятся скорее к области остроумия, нежели науки.

Гораздо убедительнее выглядит «ламинарная»² модель, согласно которой прародители современных индейцев двигались — сушей или морем — вдоль богатых рыбой и другими источниками пищи прибрежных вод. Достоверности этой версии придает тот факт, что именно такой маршрут позволил бы древним первопоселенцам легче всего миновать местами непроходимый канадский ледовый щит и добраться до пригодных для жизни земель на юге континента. Поиск археологических доказательств этой смелой гипотезы осложняется тем, что с момента последнего ледникового периода береговая линия сместилась вглубь континента и вероятные следы деятельности человека сейчас находятся глубоко под водой. При этом локализация уже найденных учеными стоянок древних людей (например, на островах Санта-Роза и Сан-Мигель) скорее подтверждает «водорослевый путь» — самые старые из ныне известных поселений расположены как раз вдоль тихоокеанского побережья.

Как бы то ни было, наиболее распространенной остается версия пешего перехода первопоселенцев из древней Берингии³. В периоды глобальных оледенений уровень мирового океана временами падал настолько, что на обмелевшем участке земной поверхности между Евразией и Северной Америкой образовывался так называемый Берингийский мост, по которому из Старого Света в Новый проникали стада животных и, вероятно, преследовавшие их небольшие группы первобытных охотников. Предполагается, что их путь пролегал по узкому, шириной всего около 100 км, «коридору Маккензи» — настоящей дороге жизни между многокилометровыми толщами Кордильерского и Лаврентийского ледниковых щитов.

Критики гипотезы Берингийского моста указывают на неудобные нестыковки — предполагаемый маршрут миграции, судя по всему, стал доступен лишь около 14 тысяч лет назад, тогда как некоторые из найденных стоянок протоиндейцев могут оказаться значительно древнее⁴. Опровергнуть или, наоборот, подтвердить теоретические построения могла бы археология, но вероятность обнаружить на просторах Северной Америки материальные следы крохотной

популяции первопоселенцев напоминает шанс найти пресловутую иголку в стоге сена — стоге размером с гору Денали⁵.

Генетические исследования показывают, что количество мигрантов первой волны, от которых так или иначе ведут родословную все коренные народы Нового Света, вряд ли превышало 250 человек, причем речь идет не о единой группе, а совокупной численности всех проникших в Северную Америку первых людей. Иными словами, говорить о «лавинной» форме заселения неуместно — только о так называемой «капельной миграции».

Но могло ли такое незначительное количество американских «Адамов и Ев» заселить два огромных континента? Несомненно. Простейшая демографическая реконструкция показывает, что даже при минимальном приросте населения за поколение двух сотен берингийских переселенцев достаточно для образования к моменту появления у берегов Америки Колумба десятиmillionной популяции америндов⁶. В реальности темпы расселения были, конечно, выше.

Вырвавшись за пределы зоны оледенения, первопоселенцы попали в охотничий рай: изобилие крупной дичи, совершенно не опасавшейся человека, при полном отсутствии конкуренции со стороны других людей. Вряд ли можно считать простым совпадением исчезновение наиболее незащищенных перед группами умелых охотников видов животных — например, гигантского ленивца — вскоре после появления в Северной Америке первых людей.

После окончания ледникового периода Берингийский мост ушел под воду, превратившись в Берингов пролив и отрезав Американский континент от Евразии. Однако, несмотря на исчезновение сухопутной дороги, Новый Свет не остался полностью изолированным от остального человечества, не превратился в эдакий «затерянный мир». После первичного заселения произошло еще как минимум две (некоторые исследователи заявляют даже о пяти) крупных волны колонизации: племен на-дене, обосновавшихся на северо-западе континента, и эскимосов⁷, занявших арктическое побережье и впоследствии сделавших несколько попыток закрепиться в Гренландии. Правда, в отличие от первопоселенцев, расселившихся на

оба материка, новоприбывшие заняли относительно небольшие ареалы.

Поэтому даже тысячелетия спустя большинство народов Нового Света сохраняли, несмотря на различные образ жизни и условия обитания, достаточно узнаваемые общие черты. «В сравнении с разнообразием пропорций тела и генетической конституции людей по восточную сторону Атлантики, — отмечал американский антрополог Фредерик Сеймур Халс, — американские индейцы, напротив, демонстрируют удивительный уровень схожести».

Однако того же нельзя сказать об уровне развития разных индейских обществ. К моменту прибытия в Новый Свет европейцев на просторах Американского континента можно было встретить, словно в гигантском музее под открытым небом, весь спектр социальной эволюции: от примитивных родовых общин и конфедерации кочевых племен до высокоразвитых цивилизаций, таких как царство майя, Тройственный союз ацтеков или империя инков Тауантинсуйу.

Майя

Майя стали первыми цивилизованными обитателями Нового Света, с которыми встретились прибывшие из-за океана конкистадоры. К XVI веку о былом величии их царств напоминали лишь затерянные в джунглях города-призраки, а уцелевшие разобщенные княжества погрязли в бесконечных и бессмысленных междоусобных войнах. Тем не менее, в отличие от империй инков и ацтеков, сокрушенных пришельцами за считанные годы, испанцам потребовалось почти полтора столетия, чтобы полностью подчинить себе Юкатан.

Европейцы застали общество майя в глубоком упадке, политическом и культурном, но в период своего расцвета майянская цивилизация не только превосходила в развитии своих соседей по континенту, но и в некоторых областях могла составить значительную конкуренцию евразийским народам. Например, одну из важнейших математических концепций — число «ноль» — индейцы майя начали активно применять в расчетах раньше, чем «изобретатели» нуля индийцы. Астрономы майя создали удивительно точный — один из самых

точных в древности — солнечный календарь, вычислили периоды обращения планет Солнечной системы вокруг светила и умели предсказывать затмения.

Другим выдающимся достижением майанской культуры стала хорошо проработанная словесно-слоговая система письма, пригодная для фонетической или идеографической записи. Судя по всему, грамотности в их обществе уделялось существенное значение — при храмах имелись богатые собрания складных рукописных книг, называемых кодексами, и, предположительно, действовали школы, в которых преподавались письмо и астрология. Символично, что бог Ицамна, «ответственный» за изобретение письменности, почитался как глава майянского пантеона.

Больших успехов цивилизация майя достигла в градостроительстве и архитектуре. Отличительной чертой их строительного искусства стало использование оригинального ступенчатого свода потолков. В период наивысшего расцвета — т. н. классическую эру — этот народ создавал восхитительные произведения изобразительного искусства: каменные скульптуры, резные статуэтки из нефрита и особенно впечатляющую фресковую живопись.

Основу экономики государства майя составляли сельское хозяйство и торговля, как внутренняя, так и внешняя, в том числе морская. Диего де Ланда, второй епископ Юкатана и первый, кто пытался расшифровать письменность майя, отмечал: «Занятием, к которому они наиболее склонны, была торговля. Они вывозили соль, ткани и рабов в землю Улуа и Табаско, обменивая все это на какао и нефрит, которые служили у них монетами». Из приведенной цитаты видно, что, в отличие от многих соседей, майя не только совершали натуральный обмен, но у них были зачатки денежной системы.

Для обеспечения нужд торговли майя создали сеть мощных насыпных дорог, называемых сакбе, вдоль которых на равном расстоянии строились постоянные дворы и «верстовые столбы», вероятно игравшие также роль придорожных святилищ.

При всех успехах в других областях сельское хозяйство майя оставалось довольно примитивным. Они не знали плуга и страдали от недостатка пресной воды. Одной из возможных причин катастрофического упадка цивилизации майя называют

продолжительную засуху, которая могла вынудить жителей покинуть оставшиеся без водоснабжения города и искать спасения в менее пострадавших областях.

Причины стремительной деградации майянского общества остаются предметом как спекуляций, так и подлинно научных дискуссий. Примерно в IX веке н. э. крупнейшие города майя, экономические и культурные центры их цивилизации, превосходившие размерами и многолюдностью европейские аналоги, внезапно приходят в упадок. Жители покидают их пределы, а население в целом сокращается катастрофическими темпами. В качестве возможных объяснений предлагались поражение в войне, эпидемия, экологическая катастрофа или же некие религиозные мотивы... Ответы, вероятно, хранились на страницах красочных майянских рукописей, но почти все они были уничтожены борющимися с туземными «ересями» испанцами.

Ацтеки

Символично, что первыми из развитых цивилизаций Нового Света пострадали от жадности конкистадоров именно ацтеки. Бывшие наемники на чужих войнах, ацтеки ожидаемо построили свою империю на жестокости и страхе. При этом европейский термин «империя» не совсем верно отражает сущность ацтекской державы. Распространяя путем беспрестанных завоевательных походов свою власть на соседние народы, они, однако, не стремились присоединить побежденных к своему государству, встроить их в собственное общество или государственные структуры.

Нет, ацтеков интересовала только военная добыча и последующая выплата дани, товарами и людьми. Окружающие народы должны были насытить пищей — ежегодно в Теночтитлан поставлялось до 20 тысяч тонн продовольствия — и жителей ацтекской столицы, и их божественных покровителей. К несчастью для вассалов империи, ацтекский пантеон признавал только одно яство — человеческую кровь, и потому священный долг каждого верующего состоял в своевременном обеспечении храмов рабами или военнопленными.

Неудивительно, что доблесть воина в таком обществе определялась количеством не убитых врагов, а пленных для жертвоприношений.

Непоколебимая, на грани фанатизма, верность этому правилу в итоге если не сгубила Теночтитлан, то как минимум приблизила его падение. Командир конкистадоров, Эрнан Кортес, дважды попадал в руки индейских воинов и оба раза спасался лишь потому, что ацтеки желали не просто убить его, но принести в жертву. Неудивительно, что при таком подходе правители Теночтитлана допустили аналогичную фатальную ошибку и на уровне всей государственной политики. Не предложив вассалам взамен утраченной свободы ни новой общественной парадигмы, ни хотя бы ощущения безопасности, ацтеки сами заложили фундамент своего будущего поражения — ведь когда у покоренных народов нет возможности сплотиться вокруг победителя, они неизбежно при первой же возможности сплотятся вокруг его врага. Так и случилось.

Непреклонный догматизм в вопросах предотвращения гибели всего сущего — а жители Теночтитлана верили, что жертвоприношениями спасают мироздание, — компенсировался известной гибкостью в других сферах жизни. Прежде всего, разумеется, в военном деле. Например, столкнувшись с тотальным превосходством европейцев, ацтекские командиры в кратчайшие сроки разработали новые методы и тактики ведения войны с грозным противником и относительно успешно их применяли.

Не меньшую изобретательность ацтеки проявляли в строительстве и сельском хозяйстве. Теночтитлан, поразивший испанцев чистотой и размахом, являлся на тот момент одним из крупнейших городов планеты — и это несмотря на то, что он был частично построен на сваях и насыпных дамбах. Каналы, испещрявшие город, оснащались шлюзами и подъемными мостами, что облегчало судоходство, особенно важное для логистики не знавших колесного транспорта ацтеков. Особый восторг у европейцев вызвали уникальные «плавучие сады» ацтеков, называемые чинампы. Их высокая эффективность — чинампы давали по несколько урожаев в год — позволяла уменьшить численность крестьянского сословия в пользу воинского.

Как и во многих милитаристских обществах, ориентированность на индивидуальное воинское мастерство и личное мужество открывало

перед рядовыми жителями империи двери социальных лифтов. Бесстрашный сын крестьянина мог стать воином, удачливый воин — подняться до статуса аристократа. Более того, формально даже императорский титул не являлся наследственным. В экстренных ситуациях, какой, например, стало пленение Монтесумы испанцами, члены Совета четырех могли избрать более подходящего для исполнения императорских обязанностей человека. При этом главных критериев выбора было два: в первую очередь, разумеется, воинские заслуги, во вторую — поэтический дар... Неслучайно с языка науатль титул верховного правителя ацтеков «уэй-тлатоани» переводится как «Великий оратор». К счастью, вопреки всем усилиям испанцев, часть поэтического наследия ацтеков сохранилась до наших дней.

Инки

Империю инков Тауантинсуйу иногда характеризуют как теократический коммунизм. Каждый житель инкской державы был обязан работать на благо общества и отдавать результат своего труда государственным чиновникам для распределения, принцип которого действительно напоминал коммунистический лозунг «От каждого по способностям, каждому по потребностям». Государство полностью брало на себя ответственность за содержание экономически уязвимых слоев населения: вдов и сирот, немощных стариков, искалеченных ветеранов имперской армии, больных, увечных и т. д., — вообще всех, кто по каким-либо причинам не мог позаботиться о себе самостоятельно.

С имперских складов, объемы которых были столь велики, что вполне сопоставимы с современными, нуждающимся выдавали необходимые для выживания продукты питания, лекарства, одежду, обувь. Также государство выделяло им жилье и даже топливо на холодный сезон. Все это предоставлялось в должном объеме, должного качества и совершенно бесплатно! Правительство пристально следило за равным распределением благ, чтобы никто не испытывал нужды. Настолько пристально, что во время трапезы

жителям было запрещено закрывать двери на случай проверки — всем ли хватает еды, на всех ли тарелках поровну...

Утопическая картина — если бы за «отеческую» заботу Сына Солнца о своих подданных им не приходилось расплачиваться почти полным отсутствием личной свободы и жизненного выбора. Так, если крестьянин к 25 годам все еще оставался холостым, государство от щедрот своих выделяло ему... жену! Степень зарегулированности жизни формально свободных земледельцев фактически ставила их в положение крепостных. Под страхом жестокого наказания или даже казни обычному человеку запрещалось менять без разрешения место жительства. Путешествия же совершались только в принудительной форме и на благо империи: участие в ее военных кампаниях, а также отбытие миты⁸ на стройках государственного значения, золотых или серебряных рудниках и т. п.

Зато тем из простых смертных, кто выжил на очередной войне и не сгинул во глубине чилийских руд, держава гарантировала полное социальное обеспечение — ведь работник не должен бессмысленно умирать от холода или голода, он должен работать. «Не лги, не воруй, не ленись», — гласил неофициальный девиз Тауантинсу́й.

Единственным преимуществом положения простолюдина был шанс избежать — по «скудоумию» — высшей меры наказания за нетяжкие преступления. Знать такой привилегией похвастаться не могла. Инкское государство не имело свода законов, но в них не было нужды, ведь если во главе государства стоит живой бог, то всякое преступление автоматически превращается в святотатство, наказание за которое — смерть.

В отсутствие писаных законов, да и вообще письменности как таковой⁹, управление огромной империей требовало колоссальных усилий и почти невыносимой концентрации. Нельзя не отдать инкам должное — это были выдающиеся, гениальные администраторы. С красотой построенной ими логистической системы могли сравниться лишь созданные ими произведения искусства, главным из которых был, конечно, Золотой сад.

Современники с восторгом описывали это чудо как филигранную золотую копию настоящего сада: на золотых ветках золотых деревьев

висят золотые яблоки, к которым тянутся золотые руки прекрасных индейских дев. В серебряной траве замерли золотые змеи с драгоценными глазами и неотличимые от настоящих жуки из того же металла. Ламы, кукурузные початки, птицы, бабочки... Все это неведомые мастера превратили в совершенное отражение несовершенного реального мира.

Когда первый из побывавших в Золотом саду европейцев доложил о нем Франсиско Писарро¹⁰, конкистадор в раздражении велел окатить разведчика ледяной водой, сочтя его пьяным или перегревшимся на солнце. И тем не менее удивительный рассказ оказался чистой — высшей пробы! — правдой. Когда удивительные скульптуры привезли в качестве выкупа за Атауальпу, даже загрубевшие сердца испанцев дрогнули. Почти все художественные сокровища инкской цивилизации были переплавлены в примитивные золотые кирпичи, но на Золотой сад рука завоевателей не поднялась.

Эрнандо, брат Франсиско Писарро, отвез золотых бабочек ко двору Карла V. К ужасу жестокого завоевателя, император, чтобы хоть ненадолго насытить вечно пустую казну, приказал переплавить чудесные изделия в звонкую монету. Эрнандо сражался за спасение бабочек как лев, но... Судя по тому, что никто и никогда больше не видел Золотого сада, эту битву непобедимый конкистадор проиграл. А вместе с ним проиграла и вся человеческая цивилизация...

Большинство испанских хроник пытается обелить конкисту, живописуя коренных обитателей Нового Света как жестоких дикарей, кровожадных язычников и каннибалов. И отчасти они правы — но лишь отчасти. Есть и вторая сторона медали. Помимо великого зла, — вполне сопоставимого, впрочем, с преступлениями своих европейских современников, — коренные обитатели Нового Света совершали и великие чудеса. На просторах Американского континента обитали отнюдь не только фанатичные жрецы, безжалостные завоеватели и деспотичные правители. Нет, в каменных городах инков, ацтеков и майя рождались и гениальные ученые. И великие поэты. И зодчие, и философы, и бунтари, и пророки. Но Европе XVI века не нужны были ни инкские пьесы, ни ацтекские гимны, ни скабрезные майянские анекдоты. Нет, Карлу V нужны были только заурядные золотые

кругляши. Должно быть, просвещенный император не знал, что ни один человек не бывает богат настолько, чтобы искупить собственное прошлое.

2 Ламинария, или морская капуста, образует вдоль побережья густые заросли, служащие прибежищем для большого количества видов морских обитателей.

3 Берингия — палеогеографическая область, связывавшая северо-восточную Азию и северо-западную Америку в единый суперконтинент. За последние три миллиона лет территория Берингии «поднималась» и вновь уходила под воду по крайней мере шесть раз.

4 Так, разброс предполагаемого возраста чилийского памятника Монте-Верде составляет сорок веков — от конвенциональных 14,5 тыс. лет до слегка крамольных 18 тысячелетий.

5 Денали — самая высокая гора Северной Америки; находится на Аляске, ее высота 6190 м.

6 Американды (англ. *amerind*, сокр. от *american indian*) — часто используемое в американской литературе обозначение коренного населения Америки.

7 Эскимосы — общее название группы северных народностей, составляющих автохтонное население полярных областей Северной Америки.

8 Мита (с языка кечуа «обязательная очередность») — форма принудительного труда в сельских общинах империи, при которой выделение людей на общественные работы производилось посредством жеребьевки. Срок службы обычно не превышал 90 дней в год.

9 Узелковое письмо кипу считается скорее системой передачи статистических данных, нежели письменностью в обычном понимании термина.

10 Франсиско Писарро — испанский конкистадор, организатор экспедиции в Перу, один из завоевателей империи инков.

1. 2. Первые контакты коренных американцев с остальным человечеством

Мы никогда не узнаем имени — да и было ли у него имя? — доисторического первопроходца, чьи босые ступни много тысяч лет назад оставили на американской земле первые человеческие следы, но исландские саги сберегли для нас имена двух мореходов, во второй раз открывших для человечества новый — океанский — путь в Новый Свет.

Первым европейцем, увидевшим берега Нового Света, считается Гуннбьорн, сын Ульфа Крака («Вороны»). Где-то на рубеже X столетия¹¹ шторм загнал его судно, огибающее Исландию, «далеко на запад в море» [10]. Когда небо прояснилось, Гуннбьорн заметил вдалеке берега неизвестной земли.

Как ни странно, неизвестной она остается и поныне. Координаты архипелага, который Гуннбьорн, не мудрствуя лукаво, назвал в свою честь Гуннбьорновы шхеры¹², так и не установлены учеными. Искатели загадочных островов — а в их числе был и сам Фритьоф Нансен — выдвигали множество версий, иногда довольно фантастичных. Так, основываясь на ремарках карт немецкого географа Йоханнеса Рейша, некоторые исследователи утверждают, что сегодня локализация некогда открытой Гуннбьорном земли и вовсе невозможна, потому как в XV веке земля эта была... уничтожена извержением вулкана!

Историчность Гуннбьорновых шхер, впрочем, не подвергается особому сомнению. Их местонахождение было хорошо известно норманнам, использовавшим эти островки если не как перевалочную базу для своих первых экспедиций в Гренландию — вряд ли голые скалы посреди океана годились на что-то, кроме кратковременного отдыха, — то как надежный ориентир по пути туда. Кроме того, даже если скептики, отказывающие Гуннбьорну в чести быть первооткрывателем крупнейшего из земных островов, правы, нельзя отрицать заслугу сына Улафа Крака хотя бы в том, что именно его

рассказы об увиденной с гребня волны неизвестной земле побудили Эйрика Рыжего отправиться на поиски Гренландии.

Символично, что — в отличие от Гуннборна, чье плавание вокруг Исландии носило скорее благородный исследовательский характер, — основателем первой в Новом Свете европейской колонии двигали гораздо более приземленные и гораздо более мрачные мотивы.

Эйрик Торвальдсон, прозванный за цвет бороды Рыжим, искал в неизведанных западных землях спасения от мести за совершенные им убийства. Род, к которому он принадлежал, славился жестокостью и крутым нравом — ровно по той же причине отец Эйрика Рыжего Торвальд в свое время бежал из Норвегии в открытую его двоюродным прадедом Исландию... Буянам не удалось ужиться с соседями и на новом месте — в начале 80-х годов X века тинг¹³ на мысе Тора объявил Эйрика Рыжего и его домочадцев вне закона и приговорил к трехлетнему изгнанию с Ледяного острова...

После всенародного осуждения Эйрик не мог оставаться в Исландии, но и о возвращении в Европу тоже не могло быть и речи. Загнанный могущественными кровниками на самый край Ойкумены, Эйрик, однако, не растерял свойственной его роду дерзости и во всеуслышание объявил, что собирается шагнуть за этот край и намерен достичь виденной Гуннборном таинственной земли. В утешение немногочисленным сторонникам Эйрик пообещал вернуться за ними после того, как найдет эту неведомую страну и обустроится там. Сказанное не было пустым бахвальством — отправляясь в поход, Эйрик погрузил на корабли не только членов семьи и слуг, но даже скот, явно готовясь обосноваться на новом месте всерьез и надолго.

Поход начался не слишком удачно. Хотя скромная флотилия Эйрика Рыжего и сумела пересечь зимнее море — неизвестно, что сыграло большую роль в этом успехе: удача или безысходность, — ледник и откалывающиеся от него айсберги не позволили Эйрику высадиться на восточном побережье неизвестного острова. Не теряя земли из виду, Эйрик двинул суда на юг, где нашел временное пристанище на месте современного городка Какорток. В этом лагере викинги провели свою первую в Гренландии зимовку.

Важно отметить, что Эйрик, возможно, был первым из уроженцев Старого Света, кто ступил на эту мерзлую землю, но совершенно точно не первым из людей вообще. Археологические находки неопровержимо свидетельствуют, что за тысячелетия до неистовых норманнов Гренландию уже регулярно посещали палеоэскимосы.

Сам Эйрик вполне допускал, что Гренландия обитаема, и потратил на поиск гипотетических туземных хозяев занятых им земель следующие два года. В своих странствиях он забирался далеко на север, вплоть до Кекертарсуака (в переводе означает «Большой остров»; современное название этого острова — Диско), но так и не обнаружил признаков присутствия человека.

На исходе 984 года Эйрик, чья ссылка уже подходила к концу, объявился в Исландии и принялся вербовать желающих переселиться на остров, открытый им и многообещающе названный... Зеленым¹⁴! Согласно популярному объяснению, такое странное для скованной льдом земли Эйрик дал намеренно, «ибо считал, что люди охотнее поедут в страну с хорошим названием».

Его активность не осталась незамеченной кровниками, и весной, как только распогодилось, Эйрику со товарищи вновь пришлось взяться за оружие. Хотя в этот раз воинская удача была не на стороне Торвальдсона, он сумел не только уцелеть в схватке, но и наконец-то заключить мир со старыми врагами. А главное — поражение будущего вождя ничуть не отвратило от его идей потенциальных колонистов. Летом следующего года из исландского Боргар-фьорда на запад отплыли три десятка груженных припасами судов.

До места добралась лишь половина поселенцев: 14 сильно потрепанных штормом кораблей и 350 человек, построивших на юго-западном берегу Гренландии первую в Новом Свете колонию под нехитрым названием Эйстербрюгд, или Восточное поселение. Приютившую их землю сложно назвать гостеприимным местом, однако привычные к суровым условиям колонисты нашли на берегах Гренландии главное, что было необходимо им для выживания: пресную воду и достаточное количество травяных пастбищ для выпаса привезенного с собой скота.

Другим явным преимуществом нового места перед покинутой ими Исландией стали богатые охотничьи угодья на севере Зеленого острова. Многоопытные норманны быстро освоили добычу морской птицы, тюленя, моржа и охотились даже на белых медведей. На море они успешно промышляли атлантического лосося и китов. «Живут и китов себе варят!» — сообщает «Сага об Эйрике Рыжем». Уже в первое лето новоиспеченным гренландцам удалось наладить торговлю со Скандинавией.

Особенности гренландского рельефа и климата вынуждали колонистов селиться подальше друг от друга, иногда усадьбы ставились на удалении в несколько дней пути одна от другой. В скором времени викинги отодвинули границу обжитых земель еще дальше на запад, заложив Вестербюгд, или Западное поселение.

Основатель первой гренландской колонии Эйрик Рыжий в дальнейшем продвижении на запад уже не участвовал, предпочтя новым рискованным авантюрам полную достатка жизнь богатого землевладельца. Впрочем, древние саги сообщают еще об одном случае, когда неугомонный нрав едва не подтолкнул старика присоединиться к очередной судьбоносной экспедиции... Увы, неудачное падение с лошади по дороге на пирс помешало Эйрику подняться на борт и впоследствии добавить к списку своих легендарных географических открытий целый новый континент. Америку открыл его сын, Лейф Эрикссон, не случайно прозванный Удачливым.

Однако, если верить «Саге о гренландцах», честь быть первым из европейцев, бросившим взгляд на побережье Северной Америки, принадлежит не ему, а другому норманну. Как некогда открытию Эйрика Рыжего предшествовало плавание Гуннбьорна, так и Лейфа Удачливого опередил некто Бьярни Херюльфсон.

В неизведанные западные воды Бьярни последовал за отцом, что годом ранее вместе с Эйриком Рыжим переселился в Гренландию. «Неразумным назовут весь наш поход, ибо никто из нас не бывал там прежде», — предупредил Бьярни соратников и решительно отправился на поиски Зеленого острова.

Не имея никаких ориентиров, Бьярни уже на четвертый день безнадежно заблудился в опустившемся на воду непроглядном тумане.

Много дней судно дрейфовало вслепую, пока волны не вынесли его к какой-то суше. Поскольку ровный и лесистый берег неведомой земли не соответствовал полученному им описанию Гренландии, Бьярни оставил его за бортом и продолжил плавание. Через несколько суток история повторилась, и вновь Бьярни проявил поразительное упрямство, запретив команде высаживаться даже для пополнения припасов пресной воды. В некотором смысле он оказался прав: поднявшийся ветер вскоре привел его корабль к берегам Гренландии, но такая целеустремленность стоила Херюльфсону лавров первооткрывателя Америки. Современники на все голоса порицали Бьярни за упущенные возможности, однако именно знакомство с Бьярни и рассказ о его злоключениях впоследствии натолкнули Лейфа Удачливого на мысль об экспедиции к увиденной Херюльфсоном суше.

К моменту своего исторического похода тридцатилетний Лейф был уже опытным путешественником, достаточно искушенным в мореходстве и торговле, чтобы самостоятельно вести семейные дела в далекой Норвегии. Перед возвращением с исторической родины Лейф от самого Олафа Трюггвасона¹⁵ принял крещение и строгий наказ распространить христианскую религию среди обитателей Исландии и Гренландии.

С поручением короля Лейф справился отлично, обратив в новую веру многих своих соотечественников, в том числе и собственную мать. Правда, правитель Гренландии Эйрик Рыжий остался верен старым богам, но зато Лейфу удалось увлечь отца идеей поиска новой заморской земли. Увы, полученные в результате несчастного случая травмы не позволили старому викингу принять участие в готовящейся экспедиции.

В юбилейном 1000 году Лейф Удачливый во главе дружины из 35 человек достиг берегов, о которых рассказывал Бьярни Херюльфсон. В отличие от своего предшественника, Лейф поспешил высадиться на берег и провозгласил: «С этой землей у нас получилось иначе, чем у Бьярни! Мы вступили на нее, и потому я дам ей имя!» Из-за обилия на берегу крупных камней Эрикссон назвал обнаруженную сушу Хеллуланд, или Земля валунов¹⁶.

Следующей сушей, на которую удачливый викинг заявил свои права, стал Маркланд. Согласно «Саге о гренландцах», Лейф сказал: «Следует назвать эту страну по тому, что в ней есть хорошего. Пусть она зовется Лесная земля¹⁷». Но и в этом месте исследователи не задержались. Любопытство и предчувствие большой удачи гнали их дальше. Главное открытие ждало их впереди.

Через два дня во время отлива судно Лейфа село на мель. Обследовав окрестности, норманны обнаружили поблизости подходящую для судоходства реку и большое озеро. Лучшего места для зимовки не стоило и искать. Местность изобиловала рыбой и дичью, в достатке было пресной воды и крепкой древесины для корабельного ремонта и строительства. По приказу Лейфа викинги быстро установили несколько крепких срубов и приступили к исследованию территории.

Половину своих людей Эрикссон предусмотрительно оставлял охранять лагерь, остальных отправлял на разведку. Вскоре выяснилось, что такие меры предосторожности, похоже, оправдали себя: один из разведчиков, немец по имени Тюркир, не вернулся вовремя. Обеспокоенный Лейф с дюжиной лучших воинов отправился на поиски старого товарища, которого знал с самого детства. Саги сообщают, что, к радости спасательной группы, Тюркира они обнаружили не мертвым, но... мертвецки пьяным.

Протрезвев, немец сообщил товарищам, что набрел поблизости на заросли дикого винограда и на радостях от такой находки слегка злоупотребил его перезрелыми плодами... У исследователей рассказ Тюркира не вызывает ничего, кроме улыбки, однако, согласно сагам, именно это открытие подтолкнуло Лейфа назвать новую страну Винланд, или Страна винограда¹⁸.

После того как Лейф с заманчивыми вестями и завидной добычей возвратился в Гренландию, «много разговоров было о Винланде, и все считали, что поездка туда принесет им богатство и славу». «Сага о гренландцах» свидетельствует, что следующим попытать счастья в Новом Свете решился Торвальд Эрикссон, родной брат Лейфа.

С собой Торвальд взял тридцать человек. Старший брат оказал ему всемерную помощь: одолжил свой верный корабль и одобрил использование построенных им домов — но, увы, не мог передать

своей знаменитой удачи. Экспедиция Торвальда закончилась катастрофой, а сам он стал, вероятно, первой жертвой соприкосновения двух миров...

Саги презрительно называют всех встреченных норманнами аборигенов — и эскимосов, и североамериканских индейцев — скрелингами (*skrælingjar*), что означало «дикари», «карлики», «ничтожества». От руки одного из таких «ничтожеств» и принял смерть могучий сын неистового Эйрика Рыжего.

Впрочем, начался поход благополучно. В оставленном предшественниками лагере Торвальд и его люди провели мягкую американскую зиму, ни в чем не испытывая нужды. На следующее лето экспедиционное судно пошло вдоль берега, пока, впервые за время пребывания в Новом Свете, не наткнулось на следы человеческой деятельности — давно брошенный настил для заготовки урожая.

Двигаясь оттуда на восток, норманны достигли живописного мыса, покрытого густым лесом, в устье двух фьордов. «Это место так красиво, что я хотел бы поселиться здесь», — воскликнул Торвальд. К несчастью и для пришельцев, и для аборигенов, мыс уже облюбовало местное племя индейцев. Когда викинги возвращались на борт, один из разведчиков заметил странные бугры, на поверку оказавшиеся тремя кожаными лодками, под каждой из которых отдыхали трое скрелингов.

Торвальд и его люди, сняв доспехи и обувь, подкрались к спящим в надежде захватить их врасплох. План провалился — одному из индейцев все же удалось бежать. Его восьмерых товарищей — вероятно, не сумев найти с туземцами общего языка, — норманны ничтоже сумняшеся предали мечу, после чего тоже... спокойно легли спать!

В какой-то момент убийц якобы разбудил грозный голос, приказавший пришельцам ради спасения их жизней погрузиться на корабль и уплыть прочь из чужой страны. Хотя викинги и последовали «совету» тотчас, далеко уйти им не удалось — посреди фьорда их судно окружило великое множество каноэ.

Торвальд распорядился установить вдоль борта щиты и, пусть и несколько запоздало, велел товарищам «самим не нападать», но

отбиваться что есть силы. Впрочем, скрелинги и не думали брать крутые борта вражеского корабля приступом, а издали осыпали пришельцев стрелами. Одна из них пролетела между щитами, нашла щель в доспехах Торвальда и поразила его в незащищенную подмышку.

«Эта стрела принесет мне смерть, — сообщил раненый своей команде. — Похороните меня на том мысу, где мне так хотелось поселиться. Похоже, я оказался прав, говоря, что останусь там». Дружина исполнила последнюю волю Торвальда. На могиле вождя товарищи установили два креста, «в головах и в ногах», чтобы всяк видевший место его последнего упокоения знал: там лежит добрый христианин. После чего, не забыв доверху загрузить корабль драгоценными дарами Нового Света, норманны возвратились в родную Гренландию, где им «было что рассказать Лейфу».

В последующие годы гренландцы предприняли еще как минимум две экспедиции на североамериканское побережье. Наиболее значительной из них стала попытка Торфинна Карлсефни обосновать в Новом Свете полноценную колонию. Он привел в Америку три корабля с полутора сотней мужчин и женщин, в том числе и воспетую сагами за красоту и мудрость свою жену Гудрид из клана Эйрика Рыжего.

Сама природа, казалось, благоволила поселенцам. Зима выдалась на удивление мягкой, а неподалеку от вытащенных на берег кораблей море выбросило целого кита, что надолго обеспечило поселенцев мясом, жиром и нужным в хозяйстве китовым усом. Весной Гудрид родила мальчика, которого назвали Снорри. За неимением других известных претендентов, мы можем считать его первым потомком европейцев, родившимся в Новом Свете.

Гудрид же, известная своей мудростью, отличилась и в торговле со скрелингами. Первая встреча с туземцами лишь позабавила колонистов. В один из летних дней большая толпа скрелингов внезапно вышла из леса, но была атакована слегка одичавшим на вольном выпасе быком, которого поселенцы привезли из Гренландии. В панике индейцы бросились к домам пришельцев и принялись ломиться в них.

Торфинн приказал подпереть двери изнутри, а Гудрид попыталась завязать с местными жителями меновую торговлю. Больше всего

аборигены интересовались металлическим оружием пришельцев, но Торфинн строго запретил продавать его. Торг зашел в тупик. Тогда Гудрид догадалась предложить индейцам сметану и творог, после чего «они уже не желали ничего другого. Так свои покупки скрелинги унесли в животах, а Карлсефни и его людям остались меха и кожи».

Второй большой торг с местными жителями состоялся в начале второй зимовки и был омрачен убийством. Поначалу обмен шел хорошо. Скрелинги охотно отдавали меха за молоко и особенно красную материю, которой тотчас обвязывали головы. «Когда ткани стало мало, ее стали разрезать на полоски не шире пальца. И скрелинги давали за них столько же, даже больше». Однако вскоре многие головы были расцвечены красным совсем иного рода...

Один из норманнов посчитал индейца, протянувшего руку к запретному для них железному оружию, вором и зарубил того на месте. Хотя немедленного продолжения конфликта не случилось, Торфинн понимал, что дальнейшего кровопролития не избежать, потому что местные обязательно станут мстить за своего.

Так и случилось. Только благодаря хитрости и военному опыту своего вождя — Карлсефни заманил главный отряд туземцев в заранее подготовленную ловушку — норманны сумели отбить нападение на свой лагерь без больших потерь¹⁹. Из скрелингов, напротив, «многие были убиты».

Жизнь в постоянном страхе перед нападением аборигенов в конце концов вынудила викингов отказаться от первоначальной идеи колонизации Винланда. Весной следующего года Торфинн и его люди вернулись на родину. Впрочем, благодаря выкупленной у скрелингов и добытой на охоте пушнине неудавшиеся колонисты вернулись богачами. «Молвят, что от гренландского берега никогда не отплывало корабля богаче, чем тот, каким правил Торфинн Карлсефни», — написано в летописи.

Но не только враждебность — далеко, как мы видим, небеспричинная — американских аборигенов мешала викингам закрепиться на изобильных землях Винланда. Междоусобные дразги и соперничество губили подобные начинания вернее индейских стрел. Последняя описанная в «Саге о гренландцах» попытка²⁰

колонизировать новый континент и вовсе завершилась массовым убийством, которое спровоцировала Фрейдис, сварливая или даже безумная сестра Лейфа Удачливого...

О других экспедициях гренландцев в легендарный Винланд ничего доподлинно не известно. Почти наверняка Северную Америку посещали и викинги, не входившие в клан Эйрика Рыжего, но, поскольку саги по сути своей являются семейными хрониками, рассказ о заокеанских приключениях представителей других семей не сохранился ни в народной памяти, ни на страницах летописей.

Можно ли при такой избирательности вообще доверять сагам как историческому источнику? Разумеется, древние, часто противоречащие друг другу легенды, повествующие не только о морских путешествиях, но и о ведьмах, оживших мертвецах и прочих небылицах, не могут сами по себе считаться бесспорным доказательством реального посещения Америки викингами. Однако нарративные источники подкрепляются и археологическими находками — вещественными свидетельствами пребывания норманнов в Северной Америке.

Нет смысла описывать многочисленные случаи мистификаций и подлогов, когда ради корысти или ввиду чрезмерного энтузиазма за старинные норманнские артефакты и рунические надписи выдавались любые непонятные артефакты или даже наспех состряпанные подделки. Да, каждый из авторов такой «сенсационной находки» моментально становился «Шлиманом на час», но вскоре неизбежно расплачивался за предательство идеалов научного поиска публичным осмеянием в прессе и вечным остракизмом со стороны разгневанных коллег-историков.

Так продолжалось до тех пор, пока в 1960 году норвежский писатель и археолог Хельге Маркус Ингстад не обнаружил в местечке Л'Анс-о-Медоуз, что в Канаде, подлинны руины древнего норманнского поселения, относящегося к т. н. «эпохе саг». Ученые раскопали остатки нескольких землянок, кузницы и извлекли из земли небольшое количество металлических предметов быта. С легкой руки Ингстада городище традиционно называют Лейфбудиром, или «домом Лейфа», но, как и в случае со шлимановской Троей, достоверность такого сенсационного утверждения далеко не бесспорна.

За прошедшие со времен первой находки более полувека археологами найдены — в том числе при помощи анализа спутниковых снимков — еще два поселения викингов: на Баффиновой Земле и юго-западном побережье острова Ньюфаундленд. Поскольку местные племена еще не знали металлургии, остается констатировать, что остатки плавильного производства и точильные камни с микроскопическими следами металлической стружки действительно принадлежали пришельцам из далекой Европы.

Кроме того, доказательства пребывания викингов в Северной Америке обнаружены и в Старом Свете, на вулканических полях Исландии. Ведь норманны пускались в рискованные походы прежде всего ради добычи, в том числе и специфической. Например, двуногой... Так, помимо мехов и ценной в безлесой Гренландии строевой древесины, Торфинн Карлсефни привез с собой из Винланда и двоих захваченных за время экспедиции индейских детей.

Летописи свидетельствуют, что, к удивлению норманнов, плененные скрелинги в полной мере овладели исландским языком и со временем сумели влиться в суровое островное общество. Правдивость этой истории подтверждена археологическими находками. Генетический анализ останков, обнаруженных на одном из исландских погостов того периода, показал, что похороненный там человек был либо урожденным североамериканским индейцем, либо же его ближайшим прямым потомком.

И все же... В первом столкновении Старого и Нового миров поля необъявленной войны остались за их исконными хозяевами. Неистовым норманнам, взявшим под контроль обширные территории в Англии, Франции, на Сицилии и т. д., не удалось закрепиться ни в Америке, ни даже в Гренландии.

Исследователям остается лишь гадать о причинах этой неудачи, но с определенной степенью уверенности можно говорить о двух решающих факторах: спонтанности колонизации и вооруженном противодействии аборигенов. По большому счету, каждая попытка освоения Винланда осуществлялась силами лишь одного немногочисленного клана или даже одной семьи и без постоянной поддержки метрополии была почти наверняка обречена на провал. Наглядным примером стала судьба Гренландской колонии,

заброшенной и почти позабытой европейцами через несколько поколений после описываемых событий.

Что же до сопротивления пресловутых «скрелингов», то сама идея весомого вклада туземцев в изгнание с их земель пришельцев-норманнов не вызывает у многих исследователей ничего, кроме скепсиса. Подпавшие под суровое очарование викингов историки готовы вслед за безумной Фрейдис воскликнуть: «Вы такие молодцы, а бежите от этих жалких людишек? Вы же могли бы перебить их всех, как скот!» [10] А ведь и правда, разве могли примитивные американские племена дать достойный отпор воинам, державшим в страхе всю Европу? Выясняется, что да, могли.

В начале второго тысячелетия технологическое и тактическое превосходство европейцев еще не было подавляющим и вполне компенсировалось знанием местности и численным перевесом. Не стоит забывать и о том, что на побережье Винланда высаживались не профессиональные воины-налетчики, а обычные поселяне без соответствующего боевого опыта и выучки. Для пришельцев из-за холодного моря аборигены были такой же неведомой и страшной угрозой, как они сами для коренных американцев.

Вот, например, как описывает поведение «бесстрашных» северян в одном из сражений «Сага об Эйрике Рыжем»: «Вдруг Карлсефни и Снорри увидели, как скрелинги подняли на шесте большой, величиной с овечий желудок, шар синего цвета. Он полетел в сторону берега на людей Карлсефни и страшно завыл, когда упал на землю. Это навело такой ужас на Карлсефни и его людей, что они думали только о том, как бы спастись» [10].

Сегодня невозможно точно установить, с кем именно столкнулись гренландцы в Северной Америке. Экзотическое оружие, подобное описанному в «Саге об Эйрике Рыжем», применялось индейцами племени алгонкинов. Другие признаки, например стремление украсить себя красными лентами, указывают на возможность контакта викингов с обитавшим в лесах Ньюфаундленда народом беотуков, или, как их еще называли, «красными индейцами»²¹.

Не лучшими были отношения поселенцев и с гренландскими эскимосами. Во время своего первого плавания Эйрик Рыжий,

вероятно, не встретил в Гренландии других людей лишь потому, что не забирался достаточно далеко на северо-запад острова. Начавшееся в конце XII века изменение климата вынуждало обитавших там представителей тулийской культуры — предков современных инуитов — постепенно мигрировать все дальше на юг, где они вскоре столкнулись с кавдлунаками²².

И эскимосские предания, и норманнские источники сходятся во мнении, что первая встреча двух народов прошла мирно. Пока похолодание не вынудило норманнов отказаться от фермерства в пользу охоты и рыбной ловли — то есть составить аборигенам прямую конкуренцию в традиционной для эскимосов хозяйственной нише, — конфликты между «новыми» и «старыми» гренландцами носили спорадический характер и были относительно безобидными. Впрочем, безобидными по сравнению с фронтальным противостоянием. Похищения же молодых девушек и спонтанные убийства одиноких чужаков происходили с привычной для той суровой эпохи регулярностью...

Однако к концу XIII века отношения между соседями обострились до открытых столкновений. Так, согласно «Готтскалькским анналам», только во время одного из нападений аборигенов на Вестербюгд (Западное поселение) поселенцы потеряли 18 человек убитыми и еще двое попали в плен. Без помощи метрополии — а в особенности без притока новых поселенцев — гренландская колония была обречена.

Вот только в изменившемся со времен Эйрика Рыжего мире гренландцам нечего было предложить Старому Свету в обмен на помощь. Главный источник дохода поселенцев — моржовые клыки — обесценились с началом массового импорта португальцами африканской слоновой кости. Добываемые на Зеленом острове меха не выдерживали никакой конкуренции с поставляемой ганзейцами русской пушниной, а развитие английской шерстяной мануфактуры поставило крест на экспорте низкокачественного гренландского сукна.

После введения в 1294 году королевской монополии единственной связью гренландцев с внешним миром стало ходившее раз в несколько лет правительственное торговое судно. И, как закономерный итог, о

двух малочисленных поселений на самом краю Нового Света вскоре попросту забыли за ненадобностью...

В наше время историческая справедливость восстановлена — память о подвигах и удачах бесшабашных норманнов увековечена в камне и на страницах календарей. Статуи первому европейцу в Новом Свете возвышаются в Бостоне, Сиэтле, Милуоки, Ньюпорте, Рейкьявике и других городах, а 9 октября²³ по указу президента США Линдона Джонсона ежегодно празднуется День Лейфа Эрикссона.

Однако, хотя сегодня любая новая деталь, свидетельствующая о посещении викингами Америки, вызывает живейший интерес, следует помнить, что для современников Лейфа Эрикссона его открытие осталось практически незамеченным и, главное, не оказало никакого долгосрочного влияния на жизнь обитателей Старого и Нового Света. Как гласит норвежская пословица: «Когда огонь погаснет, пепел тут же остынет» — к концу XIV века дерзкие походы викингов в Винланд были напрочь забыты. Поэтому вполне справедливо будет сказать, что для всего остального человечества Америку по-настоящему открыл все же не скандинав Лейф Эрикссон, а итальянец Христофор Колумб.

[11](#) Все же древние саги — не самый хронологически безупречный исторический источник, и потому, в зависимости от предпочитаемой трактовки, разброс между вероятными датами судьбоносного плавания очень велик: от 876 до 932 г. н. э.

[12](#) Шхера (от др.-сканд. *sker*, т. е. «скала в море») — скопление в областях прежнего оледенения мелких скалистых островов с сильно изрезанной береговой линией.

Кінець безкоштовного уривку. Щоби читати далі, придбайте, будь ласка, повну версію книги.

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ